

Большой вернисаж – не место для бомжей. Открытие выставки «Москва – Варшава», Третьяковская галерея.

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

Нищая Москва

Бомж в чужом глазу лучше виден соседу

Иван Либеров

Череда российско-польских мероприятий охватила Москву. Гастроли, концерты, киноретроспективы. Скромная выставка, посвященная писателю Гомбровичу, – в Литературном музее Пушкина. «Варшава-Москва» – пафосный «мост дружбы», перекинутый в Третьяковской галерее. «За красным горизонтом» – ироничная экспозиция в Государственном центре современного искусства. Лучшее из показанного – видеофильм молодой польской художницы Анны Коник «В середине пути» (2002–2005). Его можно увидеть в ГЦИСИ.

Язык искусства немеет, когда говорит реальность. Действие одного хорошего документального фильма сильнее, чем действие сотен арт-проектов. Проблема только в одном – как найти

тот язык, на котором реальность может заговорить.

Молодая польская художница Анна Коник не изобретала велосипед. Просто однажды зимой она в компании переводчицы и оператора предприняла прогулку по Москве. Их гидом стала бомжиха. Точнее, профессиональная нищенка.

Самое сложное – это рассказать простую историю. «В середине пути» – это очень простая история: женщина, которая долго жила на вокзале (а теперь уже снимает себе комнатку где-то на окраине), ведет поляков по местам боевой славы – друзей повидать, себя показать, о жизни рассказать. «Моя дочь научилась читать тут», – рассказывает женщина, а вокруг – зал ожидания: киоски, лавчонки, приезжие. И такой нечеловеческий ужас встает за этой человеческой историей...

Нищенка четко знает, кто прав, а кто виноват. «Я при коммунистах хорошо жила... как у Бога за пазухой». «Мне, знаешь,

какой нравится президент? Лукашенко. Хоть и говорят, что он – дурак, но он свою страну не продал». «Государство наше – дебил. Многие люди по их вине остались без жилья, без дома, без квартиры». «Я такая суеверная – я аборт не делаю... А он ушел к другой женщине». Позиция героини предсказуема – сочетание коммунистической ностальгии с истовым православием. Непредсказуемо другое – ее характер добросердечной, простоватой русской бабы, который остался неизменным: она не гнушается побежать вслед за тем, кто может дать подаяние, а может сама подать другим нищим. Если бы не было такого характера, не было бы и фильма.

Документалистика после Майкла Мура изменилась. Режиссеры больше не скрываются за рамками кадра. Вот и здесь художница задает вопросы, но чаще никаких вопросов и не требуется, потому что бывшая бомжиха готова сама все рассказать и показать – она счастлива

оттого, что к ней проявили человеческий интерес. И она гордо идет по ГУМу (люди оглядываются), подходит к витрине и рассматривает недоступные ей украшения – как девчонка. Она гладит нос Мухтара – бронзовой собаки со станции «Площадь Революции», потому что примета такая, – чтоб деньги водились. Этот характер, в котором все пережитое не вызвало ни очерствения, ни порчи, и определяет действие.

Бомжей можно показывать по-разному. Можно в морге фотографировать голые трупы жертв. А можно, как Анна Коник, сделать небольшой лирический этюд. Пронзительное напоминание о том, что жизнь происходит за пределами выставочных залов, которое возвращает к разговору об этическом смысле искусства.

Добрая женщина с тяжелой судьбой и испытанным лицом. Это и есть портрет нынешней России. Настолько честный и безыскусный, насколько возможно. ■

независимая - 2005. - 29 марта - с. 8.